

ской революции любовь была понята как порыв, разрушающий рамки социальных условностей, воссоединяющий в стихийном единстве то, что строго разделил обычай. (Ф. Шиллер). Романтический идеал любви колеблется между экзальтацией и аморализмом, сливая то и другое воедино; немецкая романтика и общеевропейский «бастронизм» предпринимают реабилитацию легендарного Дон Жуана как носителя тоскующей любви к невоплощенному совершенству, во имя этой любви позволяющего себе систематическую бесчеловечность к «несовершенным» возлюбленным. Эта сторона идеала романтиков была к концу 19 в. доведена до логического предела в доктрине Ф. Ницше «Любовь к дальнему» (в противоположность к «Любви к ближнему»): здесь не место конкретной любви к человеку, который есть, становится внутренне пустая любовь к человеку, которого нет.

Другие, как Ч. Диккенс и Ф. Достоевский, противопоставляют эгоизму принципиальной бесчеловечности любовь как жалость и совесть, любовь как самопожертвование, которая «не ищет своего». Одновременно с этим в пессимистической философии 19 в. ставится задача «разоблачить» любовь, что было спровоцировано экзальтацией романтиков. Для А. Шопенгауэра любовь между полами есть иллюзия, при помощи которой иррациональная мировая воля заставляет обманутых индивидов быть слепыми орудиями продолжения рода.

В философии Маркса любовь трактуется в контексте духовного мира личности, соотношения с обществом. Само понятие личность нельзя мыслить вне ее эмоциональной жизни, одним из важнейших компонентов которой является любовь.

Таким образом, интегрируя все вышесказанные исторические воззрения на суть любви, обосновывается тот факт, что характер проявления любви зависит от уровня сознания культуры сотворчества и опыта единения с миром. Культура — надежда страны и всегда нацелена на будущее. Н. Рерих писал об этом: дума о культуре есть врата в будущее.

В. Д. Шмелев
Екатеринбург

В. В. РОЗАНОВ ОБ ИЗМЕНЕНИИ УНИВЕРСАЛИЙ РЕЛИГИИ

Пореформенная Россия выдвинула немало ярких личностей, стремившихся пересмотреть универсалии религии. Среди них за-

метная роль принадлежит В. В. Розанову, сто пятидесятилетие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Общественное сознание нашего Отечества в тот исторический период было разноликим. По крайней мере, в нем четко прослеживались три идейных течения. Первое было представлено православным клиром и его идеологами, которым принадлежали в духовной жизни общества господствующие позиции. Православие, как известно, исполняло роль государственной идеологии. Естественно, что его представители ратовали за сохранение существовавших веками социальных порядков, отстаивали незыблемость и вечность традиционных религиозных ценностей.

Второе реформаторское идейное течение, к которому принадлежал и В. В. Розанов, придерживалось той точки зрения, что в новом складывающемся укладе жизни религия как социальное образование должна быть сохранена. Выбрасывать ее на свалку истории — поступать опрометчиво и неразумно. Ведь религиозные образы являются важными регуляторами человеческого поведения, укоренившимися в сознании людей с глубокой древности. Важно понять истинную суть религии и определить то место, которое она должна занимать в духовной сфере нашей жизни.

Это течение не было однородным: существовали разные ветви, отличающиеся друг от друга по тому основанию, какие нововведения в православное вероисповедание они предлагали. Краткий, образный, но достаточно емкий по содержанию, перечень всех ветвей дает Л. Н. Толстой в своем дневнике от 4 ноября 1902 года. Он пишет: «Читая Мережковского об Эврипиде, я понял его христианство. Кому хочется христианство с патриотизмом (Победоносцев, славянофилы), кому с войной, кому с богатством, кому с женской похотью, и каждый по своим требованиям подстраивает себе свое христианство» (1).

И, наконец, третье идейное течение русской философской мысли было представлено трудами революционеров-демократов и марксистов, выступавших с позиций воинствующего атеизма. Это направление предлагало вообще удалить из сознания русских людей религиозные истины; считало их ложными и устаревшими. Взамен предлагалось возвысить роль науки и утвердить в обществе идеалы социальной справедливости.

По убеждению В. В. Розанова, проповедуемые православием универсалии сохраняют свое внутреннее значение, однако используемая форма нуждается в переосмыслении, так как в ней сильны неземные мотивы. Православное учение до такой степени удалено от жизни, что не может привлекать молодежь и средние слои насе-

ления. Это религия для стариков и старушек, находящихся на пенсии. Столь непривлекательный облик православия — следствие его византийских корней. Сложившись на отмиравшей ветви христианства, которая не имела исторической перспективы и клонилась к упадку, православие чрезвычайно гипостазировало проблемы смерти, потустороннего. Действительная жизнь отодвинулась на задний план и стала трактоваться, как нечто чуждое или второстепенное по сравнению с грядущим пребыванием в загробном мире. «Все построения христианской святости, — указывает В. В. Розанов, — приурочено к смерти. И святой затворник, спасающийся в пустыне, построит себе гроб, с любовью и без страха смотрит на него, на ночь в него ложится» (2). И церковь наша, продолжает философ есть церковь скорби, в которой белый цвет, цвет радости, представлен только по праздникам. А в будни все ее служители облачены в черное.

Чтобы решить проблему возвращения христианства к цвету радости жизни, по мнению В. В. Розанова, надо вернуть его к первоначальному виду, искаженному различными Ферапонтами. Но для этого необходимо найти ту основу, тот корень, из которого выросли христианские воззрения. В своей «Автобиографии» мыслитель указывает, что длительное время он придерживался взгляда, что высшим центром человеческой жизни является идея счастья, к которой должен стремиться каждый индивидуум, и что именно в этом направлении следует вести реформаторский поиск. Однако после долгих раздумий пришел к выводу, что это «придуманная идея, созданная человеком, но не открытая им, есть только последнее обобщение целей, какие ставил перед собою человек в истории, но не есть цель, вложенная в него природою» (3).

Естественное основание человеческого бытия, из которого вытекают христианские истины, философ находит в половом общении людей. Как раз здесь в актах зачатия и рождения младенца происходит первая встреча человека с Всевышним, здесь содержится тайна создания человека Богом и коренится человеческое бессмертие. Богословию необходимо осознать, что «смерть есть не смерть *окончательно*, а только способ *обновления*, ведь в детях в точности *я живу*, в них *живет моя кровь и тело*, а следовательно буквально *я не умираю вовсе*, а умирает только мое *сегодняшнее* имя. Тело же и кровь *продолжают жить*; и в *их детях* — снова, и затем опять в детях — и вечно» (4).

Так категории «пол», «половая любовь», «гендерные и семейные отношения» появились в фокусе внимания русского философа. Он превращает их в некий метафизический абсолют, который

требует не порицания и отвержения, а безусловного освящения. Повышенный интерес к этим вопросам отчасти объясняется его жизненными личными коллизиями. После весьма неудачного первого брака В. В. Розанов вступил во второй, но православная церковь жестко воспрепятствовала регистрации его отношений с новой женой. Философ глубоко переживал по поводу этого церковного запрета и неоднократно сетовал на бездушие и черствость православных чиновников, не хотевших войти в его положение. Случившийся эпизод, несомненно, способствовал его новому взгляду на проблематику семьи и пола. Но, не более. Главные причины специфической направленности розановского поиска лежат глубже — в исторических потребностях трансформации православной церкви.

Через категорию «пол» русский философ стремится объяснить существующий облик православного вероисповедания. Пол, по его мнению, имеет восходящую и нисходящую ветви. Православной версии христианства свойственно состояние нулевого пола. «Как только в половом месте вы поставили *значащую величину*, — подчеркивает мыслитель, — все равно *единицу* или *дробь*, поставили *что-нибудь*, — вы отвергли, ниспровергли Евангелие и христианизм. Самая его суть и есть ± 0 пола» (5).

Из нулевой характеристики пола проистекает негативное отношение нашей церкви ко всему, что связано с ним, к любви, земным радостям; возвеличивается ориентация на смерть и загробную жизнь. Церковь упорно отстаивает бессемянное зачатие Спасителя; настаивает на том, что Божья Мать была монахиней, что у нее не могло быть детей и Иисус Христос всего лишь единственный ее ребенок, причем зачатый сверхъестественным образом. В церковном описании, замечает философ, И. Христос «сам был *бессеменен*: это-то и есть новое и оригинальное, почему Его и нарекли «сыном Божиим», «богочеловеком», и приняли, и поклонились Ему — как *таковому именно*. Как только в образ Его, в Лик Его вы внесете семенность, семе-несение; так вы и разрушили, раскололи, уничтожили этот Лик» (6).

Чтобы подкрепить свои взгляды на православные догмы еще более убедительными аргументами, В. В. Розанов обращается к исследованию библейских текстов и связанных с ними исторических документов о бытии в Древнем Египте, Израиле и Греции. Анализируя эти разнообразие свидетельства, философ приходит к выводу, что Священное Писание отчетливо распадается на две правды, прямо противоположные друг другу. В Ветхом Завете Бог неоднократно сообщает, что Он приветствует обычную зем-

ную любовь. Творец посылает бездетным в старости младенца, говорит Давиду: «от плода чрева твоего посажу на престоле твоём» (7), поднимает к небу в Песнях Песней Соломона любовные ласки и утехы. Любовь мужчины и женщины предстает в этой части Библии как дар Божьего внимания и благодати. Да и в целом Ветхий Завет направляет верующего в сторону насыщенной и полной земной жизни. В нем постоянно звучат призывы к возрождению, к слиянию человека с земными ценностями.

Совершенно другая ситуация характерна для Нового Завета. Конечно и в нем, отмечает русский философ, встречаются радости. Среди них на первом месте находится молитва, составляющая душу православия. На втором — богослужение, вызывающее у верующего возвышенное и умиротворяющее настроение. Позитивен и институт Церкви, ведущий подобную деятельность. Однако все эти радости являются схематичными, скорее небесными, чем обычными, земными. Они лишь прикладываются к нашей повседневной жизни. «В том и дело, — пишет В. В. Розанов, — что Евангелие действительно не *земная* книга, и все земное в высшей степени трудно связуемо или вовсе не связуемо с ним в один узел; не связуемо иначе, как искусственно и временно» (8).

Если следовать Новому Завету, то окажется, что Иисус Христос вовсе не является сподвижником Бога и глашатаем Божьих заповедей. Он — разрушитель замыслов Творца мира. Под сомнение попадает и его божественная природа. Спаситель в этом случае уже не может быть эманацией Бога, как объявлялось в богословских текстах. Нельзя слушать первоапостолов, которые уверяют нас, что как Бог, так и его Сын есть единая сущность, один и тот же трансцендентный феномен, существующий в трех лицах. ««Ты один прекрасен, Господи Иисусе!» И похулил мир, — пишет В. В. Розанов, — красотой Своею. А ведь мир-то Божий!

Зачем же Ты сказал: «я и Отец — одно»? Вы не только «одно», а ты — идешь на Него. И сделал что Сатурн с Ураном.

Ты оскотил Его. И только чтобы оскотить — и пришел» (9). Короче говоря, принятие евангельских откровений только подрывает достоверность Ветхого Завета.

Но ведь такого не бывает, подчеркивает русский мыслитель, чтобы Богово вдруг перестало быть Боговым, чтобы то, что считалось обязательным и возвышенным, вдруг, по мановению руки, превратилось в неважное и греховное. Божественные истины не могут быть одними в первом тысячелетии, другими — во втором тысячелетии, третьими — в третьем. Они абсолютны и непререкаемы на протяжении столетий. Нам следует устранить возникшие

противоречия. Концептуально мы должны рассматривать Священное Писание как единое целое, свободное от каких бы то ни было двусмысленностей. Главным приоритетом православия должно стать жизнеутверждающее достоинство земной личности, а не ее загробное существование в потустороннем мире.

Со всей силой и страстной горячностью В. В. Розанов взывает к своим современникам: «Религия должна все обнимать, она *universus* духовный, ибо ведь она относится к Богу, Зиждителю *Universus*, а вещественного, видимого...: а то что *всего* не обнимает, и *не есть религия*, а только... пластика и поэзия около чего-то, чего — *нет*» (10). А в нашем православии, удрученно констатирует философ, ничего не говорится о труде, о человеческом разуме, о предприимчивости, смелости, мужестве, земной любви. Вывод напрашивается однозначный: если православная церковь и дальше будет упорствовать и придерживаться прежних догм, то это неизбежно приведет ее к гибели.

1. Толстой Л. Н. Философский дневник. М. 2003. С. 63.

2. Розанов В. В. Святость и смерть // Розанов В. В. Соч.: В 2 т. Т. 1. Религия и культура. С. 424.

3. Розанов В. В. Автобиография // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М. 1990. С. 90.

4. Розанов В. В. Третий пол // Розанов В. В. Соч. В 2-ух т. М. 1990. Т. 2. Уединенное. С. 59.

5. Розанов В. В. Третий пол // Розанов В. В. Соч. В 2-ух т. Т. 2. Уединенное. С. 46.

6. Там же. С. 47.

7. Пс. 131:11.

8. Розанов В. В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира // Розанов В. В. Соч. В 2-х т. Т. 1. Религия и культура. С. 562.

9. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М. 1990. С. 30.

10. Розанов В. В. Среди художников. СПб. 1914. С. 171.